
**«СОЮЗ ЦЕРКВЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ»:
СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РПЦ И ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ С ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВЯМИ
СТРАН «НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ» В 1948—1953 гг.**

Т.А. Чумаченко

Кафедра этнополитологии
Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, 129, Челябинск, Россия, 454021

В статье проанализированы результаты внешнеполитической деятельности РПЦ после окончания Второй мировой войны. Несмотря на существенное ограничение полномочий Церкви, связанных с началом холодной войны, именно в 1948—1953 гг. в странах народной демократии состоялось увеличение численности автокефальных православных церквей, сложился Союз православных церквей Восточной Европы при лидерстве Русской Православной Церкви. В работе также рассматривается ряд проблем этого периода, среди которых отношения с Сербской Церковью в период правления Б. Тито, противостояние с Вселенским (Константинопольским) патриархом Афинагором.

Активная внешнеполитическая деятельность Московской патриархии в годы второй мировой войны и послевоенный период сделала Русскую Православную Церковь влиятельным фактором международной политической жизни (1). Однако, несмотря на далеко идущие планы сталинского руководства по использованию РПЦ в своих геополитических интересах, успехи периода 1943—1946 гг. развить не удалось. Завершающим мероприятием этого периода явилось Совещание глав автокефальных православных церквей летом 1948 г. в Москве (2).

Основная причина заключалась в обстоятельствах, не зависевших от усилий церковного руководства, — холодная война, расколовшая мир на два враждебных лагеря, привела к политическому противостоянию и между церквями, оказавшимися по разные стороны «железного занавеса».

Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов формулирует свое видение линии поведения Русской Церкви на международной арене в новых политических условиях. Приоритетами внешнеполитической деятельности Московской патриархии, с точки зрения Совета, должны были стать: утверждение авторитета Русской Православной Церкви среди христиан и на международной арене в целом, противостояние религиозным организациям «антикоммунистического блока», укрепление взаимоотношений с православными церквями стран социалистического лагеря (3).

В русле этих задач Совет подготовил план мероприятий «по внешней линии Московской патриархии» на 1949—1950 гг. и представил его на утверждение в СМ СССР. Однако план не был рассмотрен «в инстанциях». Более того, во второй половине 1948 г. в партийно-идеологических структурах СССР мнение о том, что «с политикой заигрывания с церковью и попами пора кончать», получило реальное воплощение. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) раз-

работал проект постановления ЦК партии, который, по сути, не только пересматривал церковную политику власти времен Великой Отечественной войны — положения проекта в случае их реализации привели бы к непредсказуемым последствиям в судьбах сотрудников и Совета, и иерархов Русской Церкви.

К февралю 1949 г. ситуация в сфере государственно-церковных отношений становится критической. В этих условиях председатель Совета Г.Г. Карпов сделал почти невозможное — он добился приема в Кремле у И. Сталина и членов Политбюро (4). Как ему это удалось, пока остается загадкой. Может быть, убедить Сталина выслушать председателя Совета удалось В.М. Молотову. Он длительное время курировал сферу государственно-церковных отношений, и кампания отдела ЦК ВКП(б) могла бы непосредственно сказаться на его положении, и так довольно серьезно пошатнувшись после исключения из партии и осуждения его жены.

То, что в Кремле разговор шел о содержании и перспективах международной деятельности Русской Православной Церкви, указывает тот факт, что подготовленный Г.Г. Карповым новый вариант «Плана по внешней работе» предварялся фразой: «распоряжение И. Сталина от 24 февраля 1949 г.» (5).

Встреча с И. Сталиным остановила кампанию против Совета, проекты отдела пропаганды и агитации так и не были внесены на рассмотрение в Политбюро. Однако и официального одобрения намерений Совета в виде распоряжения или постановления Совмина не последовало. А, соответственно, не решался один из основных вопросов — о выделении в распоряжение патриарха Московского и всея Руси валютного фонда. Его отсутствие не позволяло оказывать материальную поддержку приходам и церквям за границей, планировать зарубежные поездки иерархов Московской патриархии для непосредственных контактов с главами православных церквей.

Весь 1949 г. Г.Г. Карпов пытается добиться официального утверждения плана внешнеполитической деятельности Совета. Но все оставалось по-прежнему. Заставить власть отреагировать в определенной степени помогли правительства стран Восточной Европы — Венгрии, Чехословакии, Польши, Болгарии.

К концу 1940-х гг. правительства стран народной демократии взяли курс на формирование в своих странах политических систем советского типа и, соответственно, советской модели государственно-церковных отношений (6). Задача укрепления союза православных церквей стран народной демократии при ведущей роли Московской патриархии ими была безусловно принята. В силу этих обстоятельств опыт работы Совета по делам РПЦ для руководства восточно-европейских стран оказался весьма актуальным и востребованным. В решении тех или иных церковных проблем они постоянно обращались к Совету и его председателю.

Ситуация в церковно-религиозной сфере в этих странах складывалась не просто и требовала не только рекомендаций, но и практических шагов со стороны и Совета, и Московской патриархии. Руководство Совета в силу своих возможностей помогало коллегам, одновременно привлекая к этим проблемам внимание советской власти.

К числу проблем, общих и для режимов, и для православных церквей стран Восточной Европы, несомненно, относилось стремление ослабить влияние Ватикана на верующую (католическую, униатскую и православную) часть населения. Неслучайным на Московском Совещании 1948 г. было осуществлено принятие резолюции с осуждением Римской курии «за ее подрывные действия по отношению к православию и упорное стремление к насаждению униии».

В качестве первого шага в борьбе с Ватиканом должна была стать ликвидация Греко-Католической Церкви путем ее воссоединения с национальной православной церковью. В большинстве восточно-европейских стран задача возвращения униатских приходов «в лоно матери-церкви» в основном была решена в 1946—1948 гг. (7). Но и в последующие годы она оставалась актуальной, особенно для таких стран, как Венгрия и Чехословакия.

Правительство Венгрии неоднократно возбуждало перед руководством СССР вопрос об организации в стране Венгерской национальной церкви. В апреле 1949 г. заместитель премьер-министра Венгрии М. Ракоши вновь обратился к послу СССР в Венгрии Г.М. Пушкину с просьбой о назначении для руководства всеми православными приходами архиерея из СССР. Министр иностранных дел А.Я. Вышинский в осторожной форме высказался в поддержку этой идеи: «Венгерское правительство полагает, что путем вхождения венгерских приходов в юрисдикцию Московской патриархии и последующего воссоединения с православной церковью униатских приходов будет в известной мере ослаблено влияние Ватикана в Венгрии» (8).

Положительно отнесся к этому предложению и Г.Г. Карпов (9). Но патриарх Алексей с сомнением относился к идее вхождения всех венгерских приходов в юрисдикцию Московской патриархии. Он считал, что это неминуемо породит конфликт с Сербской, Константинопольской и Румынской Церквями, в чьих юрисдикциях находились приходы в Венгрии. Однако патриарх счел возможным все же пойти навстречу венгерскому правительству и сделать первый шаг — организовать благочиние во главе с русским священником — протоиереем И. Кополовичем. При этом его заместителем назначался венгр по национальности Варью Янош. В адрес Сербского патриарха Гавриила Московский патриарх послал специальное письмо с объяснением обстоятельств появления Кополовича в Венгрии.

К счастью, конфликт, которого так опасался патриарх Алексей, не произошел. Напротив, в январе 1950 г. патриарх впервые получил из Будапешта от сербского епископа Георгия поздравительную телеграмму, что расценил как результат работы протоиерея И. Кополовича (10).

И в дальнейшем благочиние Московской патриархии усилиями протоиерея Кополовича укреплялось, однако задача организации венгерской православной церкви так и осталась нереализованной, прежде всего, из-за отсутствия епископа-венгра.

В Чехословакии правительство при активном участии РПЦ приняло меры к упрочению православия — был усилен экзархат Московской патриархии, его глава архиепископ Елевферий в 1948 г. был возведен в чин митрополита. Одна-

ко Греко-Католическая Церковь по-прежнему сохраняла свои устойчивые позиции в стране, особенно в Словакии.

Весной 1949 г. власти ЧССР начали процесс ликвидации Греко-Католической Церкви. В стране была развернута так называемая «католическая акция», представлявшая собой инициированное государством движение протеста среди католического и униатского духовенства против действий Римского Папы. Акция должна была завершиться принятием Декларации о расторжении унии с Ватиканом и воссоединении с православием, подписанной большинством католического епископата и униатского духовенства.

Тогда же правительство Чехословакии через посла СССР М.А. Силина предприняло шаги по привлечению Русской Церкви к «разложению униатов». Посол неоднократно встречался с Елевферием для обсуждения вопроса об участии Церкви в «работе среди униатов». Специально для согласования по этому вопросу Елевферий приехал в Москву в мае 1949 г. Он получил от патриарха Алексия разрешение начать работу по приему униатов в православие, но осторожно, особенно «в вопросах, которые подлежат рассмотрению или согласованию с Чехословацким правительством» (11).

Власти ЧССР торопили события. В связи с просьбой министра юстиции республики А. Чепичкой «активизировать деятельность православной церкви в Чехословакии по борьбе с униатами и вовлечению их в православную церковь» послом СССР в Чехословакии М.А. Силиным в августе 1949 г. вновь была организована встреча с митрополитом Елевферием. Митрополит Елевферий обратил внимание министра на то, что главной трудностью является отсутствие не только духовенства, но и храмов. В ответ А. Чепичка пообещал не только финансовую помощь, но и содействие в передаче униатских храмов православным общинам.

Митрополит Елевферий срочно выехал в Москву. Его информация — он был на приеме у Г.Г. Карпова 19 сентября — свидетельствовала, что ситуация сложна, и это недооценивает правительство Чехословакии: «католическая акция» не достигла своей цели; униатские общины добровольно не отдают свои храмы, православная церковь не имеет ни одного униатского священника, добровольно перешедшего в православие (12).

Председатель Совета рекомендовал митрополиту воздерживаться от каких-либо публичных акций в поддержку «разложения униатов», предоставляя это дело чехословацкому правительству. Г. Карпов известил митрополита о том, что в ближайшее время он получит патриарший указ о переходе униатов в православие, что в первых числах октября в Чехословакию прибудет архимандрит Алексей Дехтерев «для назначения его уполномоченным экзархата по Словакии». Позднее, в ноябре, прибудет с официальным визитом митрополит Николай «с целью поднятия авторитета православной церкви в Чехословакии» и хиротонии архимандрита Алексия и протоиерея Крачмара» (13).

С некоторой корректировкой во времени этот план начал реализовываться. В декабре 1949 г. «по постановлению церковных съездов ввиду умножения православных приходов в Чехословакии» было принято решение разделить Чеш-

скую епархию на две; тогда же в Чехословакию прибыл и протоиерей Алексей (Дехтерев). Для поставления двух новых епископов в феврале 1950 г. был запланирован приезд делегации РПЦ во главе с митрополитом Николаем.

Правительство Чехословакии также разработало свой «план мероприятий по проведению кампании православной церкви в Чехословакии по переходу униатов в православие». Он был прислан послом М.А. Силиным в МИД СССР, а оттуда передан в Совет. Содержание плана мероприятий вызвало резкую критику руководства Совета. Во-первых, своим кампанейским подходом, а, во-вторых, стремлением переложить на советское посольство и экзархат основную тяжесть работы: «...Совет ... озабочен, как бы активная и открытая инициатива посольства и экзархата не дали повода врагам скомпрометировать эту работу в самом начале и представить ее как прямое вмешательство во внутренние дела церковной жизни ЧСР Московского патриархата и правительства СССР...» (14).

Именно ситуация в Чехословакии заставила, наконец, советское руководство отнестись к церковно-религиозному вопросу как к немаловажному в международных отношениях фактору. 30 января 1950 г. СМ СССР принимает постановление за № 432-155сс, которое утверждает план работы Совета на 1950 г. (15).

Принципиальным моментом этого постановления был принцип финансирования внешней деятельности Московской патриархии. Отныне устанавливался единый счет патриарха Московского и всея Руси в долларовом исчислении. На 1950 г. текущий счет был открыт на 1 млн руб. в инвалюте (16).

Постановление СМ СССР также официально поддержало предложения Совета по Чехословакии. Одним из самых радикальных, на наш взгляд, была санкция советского правительства на организацию Автокефальной Православной Церкви в Чехословакии в 1951 г. (17).

Делегация РПЦ во главе с митрополитом Николаем прибыла в Чехословакию в феврале 1950 г. Делегация и формально, и фактически имела своей целью лишь поставление во епископов архимандрита Алексия Дехтерева и протоиерея Ч. Крачмара, а также установление епископской кафедры в Прешево.

После отъезда делегации РПЦ Государственное управление по делам церкви чехословацкого правительства предприняло попытки переговоров с униатскими епископами Гойдичем и Гопко. Как и ожидалось, они ни к чему не привели. Епископы были «изолированы» в своих резиденциях, а позже «направлены» в один из монастырей.

28 апреля 1950 г. в Прешево состоялся собор униатского духовенства и верующих в составе 820 человек (около здания собрались около 4 тыс.), который объявил об отмене Ужгородской унии 1646 и 1649 гг. и о воссоединении с православной церковью. 30 апреля уже ни в одной церкви не упоминался Папа Римский (18).

В июне 1950 г. патриарх Алексей получил через митрополита Елевферия письмо от заместителя премьер-министра Чехословакии З. Ферлингера, в котором последний выразил «благодарность Экзарху и Патриарху по случаю ликвидации унии в Чехословакии» (19).

Как докладывал советскому правительству Г.Г. Карпов: «...Этим было положено начало окончательной ликвидации антигосударственной и антисоветской деятельности униатского духовенства и стремлению Ватикана сохранить антисоветский кордон на границах СССР». Но в его информациях содержалось также и указание на то, что «борьба будет продолжаться, так как из 392 священников порвали с Ватиканом только 100 человек и часть верующего населения идет за своими священниками» (20).

В дальнейшем председатель Совета неоднократно в своих письмах в ЦК будет продолжать критиковать формы и методы, с помощью которых органы власти Словакии проводили кампанию по присоединению униатов, характеризуя их как «извращение» и «искривление», как попытку «проведения кампанейским способом ликвидации многовековой Ужгородской унии», осуждая «репрессивное принуждение униатов к воссоединению с православием» и призывая отказаться от услуг «заведомо политических врагов из числа униатского духовенства» (21).

Для того чтобы стабилизировать религиозную ситуацию в Чехословакии и избежать обвинений в адрес Советского Союза и Московской патриархии во вмешательстве во внутренние дела ЧССР, Г.Г. Карпов настаивал на реализации постановления СМ СССР об организации автокефальной православной церкви в Чехословакии. Председатель Совета писал: «...Пришло время поставить перед руководством Чехословацкой Республики на рассмотрение рекомендацию создания Автокефальной Православной Церкви Чехословакии... Ее организация не только усилит блок православных церквей, группирующихся вокруг Московской патриархии, но и сыграет положительную роль в деле привлечения униатов в православие и позволит проводить эту работу на новой основе...» (22).

Для оказания содействия властям Чехословакии летом 1951 г. туда был командирован (формально — для лечения на курорте Карловы Вары) заместитель Карпова С.К. Бельшев, который имел несколько встреч с заместителем председателя Совмина Чехословакии З. Ферлингером. В ходе встреч и бесед стало ясным, что правительство республики принципиально согласно «на реорганизацию экзархата Московской патриархии в автокефалию». При этом оно высказало пожелание, чтобы главой церкви остался митрополит Елевферий, которому правительство Чехословакии готово предоставить чехословацкое гражданство (23).

Далее события развивались стремительно. 1—2 октября в Праге состоялся собор епископов, который решил просить Московского патриарха Алексея дать согласие на автокефалию православной церкви в Чехословакии и на отпуск митрополита Елевферия на постоянное служение в ней. 8 октября на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви эта просьба была рассмотрена и удовлетворена. Все архиереи РПЦ прислали свои подписи под актом о даровании автокефалии Чехословацкой Православной Церкви к 23 ноября 1951 г. (24). Советское правительство также выразило свое согласие специальным распоряжением за № 23284 р.с. от 4 декабря 1951 г. (25).

9 декабря состоялись торжества по поводу провозглашения автокефалии Чехословацкой Православной Церкви и интронизации митрополита Елевферия.

В торжествах в Праге приняли участие делегации от Русской, Грузинской, Антиохийской, Болгарской, Румынской, Албанской и Польской Церквей (26).

Власть Чехословакии, таким образом, решила для себя важную политическую задачу — ослабление позиций католицизма за счет ликвидации униатской церкви и присоединения ее последователей к православию. На международной арене появилась еще одна автокефальная церковь, ориентирующаяся на Русскую Церковь и усилившая блок восточноевропейских стран. Безусловно, это был успех внешнеполитической деятельности Московской патриархии и поддерживавшего ее усилия Совета по делам Русской Православной Церкви.

Русская Православная Церковь с начала 1950 г. активно развивала братские связи с церквями стран Восточной Европы. Безусловно, отношения церквей были вплетены в политический контекст взаимоотношений между СССР и странами народной демократии.

Ситуация в Болгарской Церкви постоянно была в поле внимания руководства РПЦ. В начале 1950 г. она приобрела кризисный характер из-за продолжающегося противостояния между Синодом и Союзом священников. Правительство Болгарии открыто поддержало ряд требований Союза священников, в том числе о введении второбрачия духовенства по примеру Сербской и Румынской церквей. Синод Болгарской Церкви категорически отказывался это сделать, ссылаясь на то, что такой шаг не встретит понимания в Московской патриархии и в результате может произойти разрыв с Русской Церковью (27).

Острая дискуссия между государством и Церковью развернулась по поводу вопроса о возможности введения в Болгарской Церкви патриаршества. Пожелания Департамента вероисповеданий о порядке избрания патриарха сводились к тому, чтобы в выборах патриарха кроме духовенства и мирян участвовали и представители политических, правительственных и общественных организаций. С таким вариантом, когда в выборах главы церкви в рамках «общественно-политической квоты» могли принять участие как неверующие, так и представители иных церквей, Синод, безусловно, не только не согласился, но и выразил свое возмущение.

Не было единства и по возможной кандидатуре на патриарший престол. Среди членов Синода претендентами были митрополиты Паисий и Кирилл, что уже создавало предпосылки к внутренним интригам. Правительственные круги склонялись к поддержке митрополита Кирилла. Свои предпочтения относительно кандидатов имели представители Союза священников. Это давало основание Г.Г. Карпову в информациях в Совмин и ЦК говорить о том, что в Болгарии зреет «раскол на староцерковников и живоцерковников (вроде наших бывших обновленцев) ... Союз священников ведет борьбу с Синодом и епископатом за демократизацию управления церковью, а фактически за создание новой церкви». Г. Карпов предлагал следующие меры для стабилизации ситуации: введение «единоначалия» в Церкви путем установления патриаршества и избрания на престол достойной кандидатуры; недопущение вмешательства Союза священников в канонические проблемы и ограничение его деятельности проблемами «борьбы за мир»; дирекции Департамента вероисповеданий срочно заняться вопросами «подготовки новых епископов — сторонников Отечественного Фронта» (28).

Идея «введения единоначалия», то есть выборов патриарха, со временем завоевывала все большее число сторонников. Кандидатура наместника-председателя митрополита Кирилла в качестве единственного претендента на патриарший престол поддерживалась и внутри Болгарии — среди членов Синода и в правительственных кругах, и в Москве.

Однако среди сторонников митрополита Паисия по-прежнему давали себя знать оппозиционные настроения: недовольство «вмешательством» Московской патриархии в дела национальной церкви, прорусской позицией Кирилла и др. (29). Объективно их подпитывали действия директора Департамента по вероисповедным делам Тагарова. Он, по информации его преемника, «не только администрировал, но запугивал и терроризировал «оппозиционеров» угрозами ареста, прямо говорил, что если они не будут голосовать за митрополита Кирилла, они будут арестованы...» (30).

Ситуация резко обострилась осенью 1952 г. В октябре группа митрополитов во главе с Паисием фактически сорвала созыв собора для избрания патриарха. Одновременно был освобожден от должности как не справившийся со своими обязанностями Тагаров. Митрополит Кирилл снял с себя полномочия наместника-председателя Синода. В результате Болгарская Церковь осталась вообще без всякого руководства.

Г.Г. Карпов в записке на имя Г.М. Маленкова следующим образом обрисовал обстановку в Болгарской Церкви и возможные последствия ее неблагоприятного развития: «...Захват руководства в Синоде группой Паисия может вызвать затруднения в привлечении Болгарской Церкви к общей внешнецерковной деятельности православных церквей СССР и стран народной демократии, ... к создавшемуся положению в Болгарской Православной Церкви полезно привлечь внимание руководства БКП для принятия необходимых мер...» (31).

Обеспокоенность и предложения председателя Совета были восприняты, и через некоторое время болгарские власти нашли возможным ввести в состав Синода митрополита Пимена, что укрепило позиции митрополита Кирилла и позволило приступить к подготовке Поместного собора.

В январе 1953 г. Совет по делам Русской Православной Церкви посетил вновь назначенный директор Департамента по делам вероисповеданий Болгарии М. Кючуков. Он информировал Совет о всех проведенных мероприятиях и о том, что проведение Собора для выборов патриарха Болгарской Церкви намечено на весну 1953 г.

Вопрос о введении патриаршества в Болгарии, наконец, был решен — в мае 1953 г. на Соборе верующих и мирян Кирилл был избран патриархом Болгарской Православной Церкви.

Это имело важное историческое значение для Болгарской Церкви, да и для остальных автокефальных церквей. Удалось предотвратить раскол Болгарской Церкви, от подобного которому в свое время так пострадала Русская Церковь. Сторонники традиционных форм управления в Болгарии укрепили свое положение. И, безусловно, с точки зрения власти, была решена задача укрепления «союза православных церквей стран социалистического лагеря».

Та же задача находила свое решение и на территории Польской народной республики.

Осложнения в Польской Православной Церкви проявились к весне 1950 г. Причиной тому стали действия митрополита Дионисия и вмешательство Вселенского патриарха Афинагора. Митрополит Дионисий был отстранен от руководства Польской православной церкви постановлением Совета министров Польши еще в апреле 1948 г. После дарования патриархом Московским автокефалии Польской Православной Церкви в июне 1948 г. во главе Церкви был временно поставлен архиепископ Белостокский и Бельский Дионисий (Шретер). Тогда же Московский патриарх Алексей и Священный Синод РПЦ после покаянного письма митрополита Дионисия сняли с него запрещение, но от восстановления его во главе Церкви отстранились, посчитав это делом самой Польской Церкви (32).

В мае 1950 г. патриарх Алексей получил от Константинопольского патриарха Афинагора письмо, в котором тот в мягкой форме настаивал на том, чтобы патриарх Алексей, «принимая во внимание канонический строй», приложил со своей стороны все силы, чтобы митрополит Дионисий продолжил свое служение во главе Польской Православной Церкви (33). Протест патриарха Афинагора, как охарактеризовал это послание председатель Совета Карпов, поддержали Александрийский патриарх и глава Кипрской Церкви. Они также прислали свои письма с призывами «согласиться с указаниями Константинопольского патриарха» (34).

Вмешательство восточных патриархов потребовало незамедлительного решения проблемы. Уже 10 мая 1950 г. во время беседы Г. Карпова с митрополитом Николаем (Ярушевичем), главой отдела внешних церковных сношений, обсуждался вопрос о кандидатуре на пост главы Польской Церкви. На вопрос Г.Г. Карпова «Считает ли митрополит Николай возможным, чтобы Польскую Автокефальную Церковь возглавил один из архиепископов Русской Церкви?», Николай ответил, «что это не только возможно, но и желательно для Русской Церкви». Со своей стороны, председатель Совета предложил: «...не походит ли для этой цели архиепископ Макарий, как знающий польский язык?». — «Да, — отвечал митрополит Николай, — я только что об этом думал...» (35).

Через несколько дней в Совете по делам РПЦ состоялась встреча с архиепископом Макарием, который в ответ на предложение сказал: «...большого желания нет, но не буду возражать, если этого требует дело...» (36).

В июле этого года отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) одобрил намерение Совета по делам РПЦ и Московской патриархии опубликовать послание патриарха Афинагора с ответным посланием патриарха Алексия в Журнале Московской патриархии. В ответе Алексия непременно должны были присутствовать цитаты из покаянного письма митрополита Дионисия от 22 августа 1948 г. (Г.Г. Карпов даже предлагал поместить фотокопию этого письма) — для того, «чтобы еще раз отместить обвинения Афинагора, разоблачить двуличие Дионисия и столкнуть его с Афиногором...» (37).

В результате согласований в различных советских инстанциях, а также с правительством Польской республики в течение второй половины 1950 г. бы-

ли подготовлены условия для окончательного решения вопроса о главе Польской Православной Церкви.

В январе 1951 г. Собор епископов Польской Церкви своим определением постановил образовать четвертую епархию (38), которая была «специально организована для архиепископа Макария». «В ближайшее время, — как информировал Г.Г. Карпов в апреле 1951 г. митрополита Николая, — в адрес патриархии последует просьба о направлении архиепископа Макария в Польшу, где он будет выбран главой Польской Православной Церкви» (39). Планы эти были реализованы.

В июле 1951 г. на торжества в Польшу приехали главы всех восточноевропейских православных церквей. В Варшавском кафедральном соборе 8 июля состоялась интронизация митрополита и главы Польской Православной Церкви Макария (40).

«Завершено, — докладывал в правительство и ЦК ВКП(б) председатель Совета по делам РПЦ, — каноническое оформление автокефальной Польской Православной Церкви, дарованной Московской патриархией в 1948 г.» (41).

Отношения Московской патриархии с Албанской Православной Церковью носили в основном официальный характер. Вместе с тем и церковное руководство, и Совет по делам РПЦ были осведомлены и об общеполитической ситуации в Албании, и о церковной политике властей, и о положении религиозных организаций и их взаимоотношениях с государством.

В 1949 г. решением правительства глава Албанской Православной Церкви архиепископ Христофор (Киси) был смещен со своего поста, формально обвиненный в антинародной деятельности (42). Церковь возглавил архиепископ Паисий (Водица). В своих обращениях к пастве он неоднократно обращал внимание на укрепление связей с братскими православными церквями, в первую очередь с Русской.

Албанская Церковь, так или иначе, была вовлечена во все внешнеполитические мероприятия православных церквей восточноевропейских стран. Эта включенность позволяла Албанской Церкви искать и находить в сложных обстоятельствах поддержку, в первую очередь, у Московского патриарха. Так, например, в конце 1949 г. архиепископ Паисий обратился к патриарху Алексию с просьбой оказать поддержку «в борьбе против Константинопольского патриарха Афинагора, пытающегося подчинить себе албанскую епархию в Америке». В специальном постановлении Синод РПЦ выразил поддержку Албанской Православной Церкви в ее стремлении защитить себя от незаконного вмешательства в ее внутренние дела» (43).

По просьбе главы Албанской Православной Церкви митрополит Крутицкий и Коломенский Николай как член постоянного Комитета всемирного Конгресса сторонников мира «принял на себя полномочия представлять» в этом комитете и от лица Албанской Православной Церкви (44).

Посильную помощь со своей стороны Албанская Церковь оказывала и Московской патриархии. В связи с конфликтом с югославским правительством и репрессиями по отношению к русским гражданам в Югославии многие из них

пытались выехать из страны. Албанское правительство и церковь дали приют монахиням монастыря «Благовещение» и некоторым священникам, которые либо высылались югославскими властями, либо бежали сами (45).

Отношения Московской патриархии с Румынской Православной Церковью носили спокойный и стабильный характер. Прорусские настроения патриарха Юстиниана как будто не вызывали сомнений в Москве, — он всегда был готов поддержать инициативы Русской Церкви, участвовал во всех торжественных мероприятиях и других акциях европейских православных церквей. Но периодически со стороны председателя Совета Г.Г. Карпова обнаруживала себя определенного рода настороженность по отношению к румынскому патриарху. Возможно, причиной являлось недостаточная активность контактов глав Церквей. В апреле 1950 г. Г.Г. Карпов прямо спросил предстоятеля Русской Церкви, «когда он полагает пригласить румынского патриарха?» Патриарх Всея Руси ответил, что «для него является затруднительным изыскать предлог для приглашения румынского патриарха». Г.Г. Карпов обещал выяснить — со стороны Совета — возможности приезда патриарха Юстиниана (46).

Такая возможность оказалась реализованной уже в конце мая. Патриарх Румынский был в Москве с 25 мая по 1 июня 1950 г. — просто гостем Русской Православной Церкви (47). Следующий визит состоялся и в следующем году, членам делегации были организован прием в Совете по делам РПЦ, во время которого «обсуждались вопросы международной христианской жизни» (48).

Кризис в отношениях советского и югославского правительств поставил под угрозу отношения Русской и Сербской Церквей. Участие патриарха Сербского Гавриила в Московском Совещании 1948 г. — последний из непосредственных контактов представителей Сербской Церкви с главами православных церквей вплоть до второй половины 1953 г.

Некоторое время руководство Совета питало надежды на сохранение Сербской Церкви в сфере влияния Московской патриархии. Однако сам Г. Карпов не испытывал большого оптимизма по поводу расширения контактов с Сербской Церковью, ибо, как свидетельствовали стекавшиеся к нему данные из разных источников, в Югославии активно проводились «мероприятия для вытеснения из Югославии какого бы то ни было влияния Русской Православной Церкви. Всем ходом событий Сербская Церковь подготовлена к тому, чтобы войти в фарватер антикоммунистического блока...» (49).

Гонения на православную церковь со стороны властей, репрессии против священнослужителей заставляли патриарха Гавриила искать поддержки и помощи у Московского патриарха. Он изыскивал возможность встречаться с сотрудниками советского посольства (50), и именно через МИД Совет получал информацию о трудностях Сербского патриарха. Г.Г. Карпов с патриархом Алексием неоднократно обсуждали, каким образом можно было бы оказать хотя бы моральную помощь патриарху Гавриилу, — например, передать письмо патриарха Алексия («через посольство, а там в церкви, во время службы...» (51)).

Представляется, что публичный отказ патриарха Алексия в марте 1950 г. от югославского ордена «Народного освобождения», которым он был награжден

в 1945 г., являлся определенной формой протеста против репрессий православного духовенства в Югославии. Заявление патриарха Алексия и пяти священнослужителей, получивших югославские ордена, было опубликовано в газете «Известия» (52).

После смерти патриарха Гавриила 7 мая 1950 г. патриархом Сербским стал митрополит Викентий. Совет, в тогдашнем политическом духе оценивая это событие, писал: «Смерть патриарха Гавриила развязала руки клике Тито-Ранковича для того, чтобы поставить во главе Сербской Церкви послушного им человека» (53). С подачи Совета в «Литературной газете» была опубликована статья, посвященная выборам нового патриарха, с оскорбительным названием «Титослужитель Викентий» (54).

Безусловно, обе церкви, и Русская, и Сербская, стали заложниками политической конфронтации между двумя странами, между И. Сталиным и Б. Тито.

Таким образом, благодаря совместным усилиям Московской патриархии и Совета по делам Русской Православной Церкви, при содействии партийных и государственных органов как в СССР, так и в странах народной демократии, состоялось увеличение численности автокефальных православных церквей, сложился союз православных церквей Восточной Европы при лидерстве Русской Православной Церкви.

Инициатором многих совместных акций православных церквей был Совет по делам Русской Православной Церкви. Но было бы неправильным понимать инициативы Совета как провоцирующие противостояние христианских церквей в Европе и мире. В первую очередь, Совет решал задачу укрепления международного положения РПЦ и церквей стран Восточного блока, усиления их влияния — в ответ на реализацию со стороны Запада совершенно обратной задачи: не допустить этого.

Особенно наглядно это противостояние проявилось в отношениях церковью социалистических стран с Вселенским (Константинопольским) патриархом Афинагором. Непризнание Афинагором ни автокефалии Чехословацкой Церкви, ни патриаршества в Болгарии, ни главы Польской Церкви носило лишь внешне чисто церковно-канонический характер. Но по своей сути они были действиями политического свойства, отражавшими взгляды и позицию Афинагора — с одной стороны, как противника Советского Союза и стран народной демократии, а с другой — как сторонника поддерживавшего его Запада, к тому же сторонника, целиком и полностью от него зависевшего. Нельзя сказать, что эта позиция Вселенского патриарха существенно влияла на положение православных церквей в Восточной Европе, тем более что нередко позицию Афинагора не разделяли главы других восточных патриархатов. Но публичные заявления и неудовольствия патриарха Афинагора, а также ответные меры Московской патриархии и глав православных восточных церквей становились частью политических игр и интриг в международной политике той эпохи.

Самостоятельным направлением в совместной деятельности православных церквей стран социалистического содружества было участие в международном движении сторонников мира. Безусловно, стремление защитить мир вытекает

из самих основ религиозного мировоззрения, является долгом, обязанностью и правом церкви. Столь же «нормальным явлением» для периода холодной войны были заявления иерархов православных церквей о том, что политическим и идейным оплотом мира и мирной политики является Советский Союз, страны социалистического лагеря.

Православные церкви стран Восточной Европы в начале 1950-х гг. представляли собой значимую составляющую христианского мира и способны были совместными действиями оказывать на него определенное влияние. Но в условиях сложной международной обстановки холодной войны любые шаги и мероприятия, безусловно, приобретали политический характер, встраивались в жесткую конструкцию политического противостояния Восток—Запад. Представляется, что иерархи православных церквей Восточной Европы прекрасно понимали, что на международной арене церковь используется в «государственных интересах», является оригинальным инструментом политики периода холодной войны. Их позиция была продиктована и пониманием того, что от их деятельности на международной арене во многом зависел характер государственно-церковных отношений, а значит, и будущее церквей в социалистических странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О внешнеполитической деятельности Московской патриархии в период 1943—1948 гг. см.: *Волокитина Т.В.* Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е гг. XX в.) // *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы (Дискуссионные аспекты)*. — М., 2003. — С. 99—125; *Чумаченко Т.А.* Внешнеполитическая деятельность Московской патриархии 1943—1946 гг. // *Свобода совести в России: и исторический и современный аспекты*. Сб. статей. — М., 2004. — С. 574—586.
- (2) См.: *Чумаченко Т.А.* К истории организации Совещания глав православных автокефальных церквей в июле 1948 г. в Москве // *Свобода совести в России: исторический и современный аспекты*. Сборник статей. — М., 2005. — С. 228—248.
- (3) ГА РФ. — Ф. Р-6991. — Оп. 1. — Д. 290. — Л. 231.
- (4) 24 февраля 1949 г. в кабинете И. Сталина с 22.10 до 22.45 присутствовали: Н.А. Булганин, Г.М. Маленков, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, В.М. Молотов, А.Н. Косыгин. Г.Г. Карпов находился в кабинете с 22.15 до 22.40 / *Посетители Кремлевского кабинета И. Сталина // Исторический архив*. — 1996. — № 5—6. — С. 49.
- (5) ГА РФ. Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 451. — Л. 186—194, 195.
- (6) Подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949—1953): Очерки истории. — М., 2002.
- (7) См.: *Носкова А.Ф.* Греко-католическая церковь в контексте решения национально-территориальных проблем. 1945—1957 гг. (СССР, Польша, Чехословакия) // *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939—1958 гг.* — М., 2003. — С. 144—165; *Покивайлова Т.А.* Конфессиональная ситуация в Трансильвании и ликвидация униатской церкви в Румынии (40-е годы XX в.) // Там же. — С. 181—199.
- (8) ГА РФ. — Ф. Р-6991. — Оп. 1. — Д. 452. — Л. 181.
- (9) Там же. — Д. 457. — Л. 1.
- (10) Там же. — Д. 608. — Л. 3.

- (11) Там же. — Д. 457. — Л. 63.
- (12) По информации Елевферия, часть униатского духовенства все же подписала декларацию «католической акции», но, однако, «явилась к своим священникам, покаялась и получила прощение. ...Оставаясь в глазах правительства сторонниками «католической акции», в действительности эти униатские священники являются самыми отъявленными двурушниками...» // Там же. — Л. 137—138.
- (13) Там же. — Л. 138—139.
- (14) Там же. — Д. 604. — Л. 29—30.
- (15) Там же. — Д. 605. — Л. 91.
- (16) Там же. — Д. 608. — Л. 12.
- (17) Там же. — Д. 605. — Л. 91.
- (18) Там же. — Л. 96—97.
- (19) Там же. — Д. 608. — Л. 98.
- (20) Там же. — Д. 605. — Л. 96, 97.
- (21) Там же. — Д. 748. — Л. 12.
- (22) Там же. — Л. 13.
- (23) Там же. — Д. 749. — Л. 154.
- (24) См.: *Скурат*. История поместных православных Церквей. — М., 1994. — Т. 2. — С. 237; *Цыпин Вл.* История Русской Церкви. — М., 1997. — Кн. 9. — С. 352.
- (25) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 749. — Л. 279.
- (26) Там же. — Д. 751. — Л. 155—156; В Чехословакии на церковных торжествах // ЖМП. — 1952. — № 1. — С. 41—48.
- (27) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 604. — Л. 21—24; Д. 608. — Л. 17.
- (28) Там же. — Д. 604. — Л. 21—24.
- (29) Там же. — Д. 873. — Л. 255.
- (30) Там же. — Д. 1015. — Л. 12—13.
- (31) Там же. — Л. 255—256.
- (32) Там же. — Д. 605. — Л. 236.
- (33) ЖМП. — 1950. — № 8. — С. 8—9.
- (34) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 605. — Л. 236.
- (35) Там же. — Д. 608. — Л. 68.
- (36) Там же. — Л. 74.
- (37) Там же. — Д. 605. — Л. 236; ЖМП. — 1950. — № 8. — С. 8—9.
- (38) *Свитич А.К.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917—1950 гг. — М., 1997. — С. 279.
- (39) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 751. — Л. 31.
- (40) См.: *Свитич А.К.* Указ. соч. — С. 280; Церковные торжества в Варшаве // ЖМП. — 1951. — № 8. — С. 43—47.
- (41) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 748. — Л. 172—173.
- (42) См.: *Ракуччи А.* Преследования христиан в коммунистической Албании // Материалы ежегодной богословской конференции Свято-Тихоновского института. — М., 1999. — С. 160.
- (43) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 748. — Л. 19—24.
- (44) Акт сотрудничества Русской и Албанской Православных Церквей в защите мира // ЖМП. — 1950. — № 9. — С. 5.
- (45) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 2. — Д. 99а. — Л. 42; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20—40-е годы XX в.). — М., 2000. — С. 160—162.
- (46) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 608. — Л. 65.
- (47) ЖМП. — 1950. — № 7. — С. 20—34.
- (48) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 751. — Л. 68—71.

- (49) РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 132. — Д. 111. — Л. 80, 81.
- (50) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 604. — Л. 172—173.
- (51) Там же.
- (52) Известия. — 1950. — 15 марта.
- (53) ГА РФ. — Ф. Р- 6991. — Оп. 1. — Д. 605. — Л. 309.
- (54) Литературная газета. — 1950. — 15 августа.

**«THE UNION OF CHURCHES OF THE SOCIALIST CAMP»
THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ISSUES COUNCIL
AND EVOLUTION OF RELATIONS BETWEEN THE MOSCOW
PATRIARCHATE AND ORTHODOX CHURCHES
OF THE «PEOPLES DEMOCRACY» COUNTRIES
IN 1948—1953**

T.A. Chumachenko

Department of Ethnopolitology
Cheliabinsk State University
Bratiev Kashirinikh Str., 129, Cheliabinsk, Russia, 454021

The article analyzes results of foreign policy of the ROC after the end of World war II. Despite considerable power limitations imposed on the Church due to the beginning of the Cold War, namely in 1948—1953 the «Peoples Democracy» countries experienced growth of autonomous Orthodox churches and the Union of Orthodox churches of the Eastern Europe was established under the leadership of ROC. The article also deals with a number of problems of this period among which is the relations with the Serbian church during B. Tito's rule, confrontation with the Ecumenical (Constantinople) Patriarch Afinagore.